

Глава 13. Взросление

Лицо Сунь Цинфэна потемнело от гнева:

— Глава великого культа Золотого света — и такой размазня?

— Вовсе я не размазня, — буркнул Цзинь Линьэр.

— Говори.

Цзинь Линьэр искоса взглянул на Сунь Цинфэна. Видя, что тот едва сдерживает ярость, готовую вырваться наружу подобно призрачной злобе, мальчик испугался, как бы не довести его до беды, и нехотя выдавил:

— Не хочу я в эту школу.

— Объясни нормально, — отрезал Сунь Цинфэн.

— Раньше ведь я никогда не учился, многого не знаю. Науки там не бог весть какие сложные, просто в школе столько всего интересного, вот я и отвлекался. Учитель побил меня ради острастки, чтобы впредь неповадно было. Я уже всё понял и осознал свою вину, честное слово, ничего страшного не случилось.

— Да неужто я тебя растил на радость какому-то писаке, чтоб он на тебе руку пробовал? — взревел Сунь Цинфэн.

Схватив одной рукой меч, а другой вцепившись в запястье Цзинь Линьэра, он пинком распахнул дверь. Словно ураган, полный праведного гнева, он потащил мальчика по улицам и остановился у самых ворот школы. Вскинув обнажённый клинок, Сунь Цинфэн в ярости крикнул:

— Я прирежу этого выродка!

Цзинь Линьэр изо всех сил, упираясь ногами в землю, повис на его руке, едва удерживая его у самого входа:

— Сунь пред... папа! Не трогай учителя, он не виноват!

Сунь Цинфэн резко обернулся:

— Сколько тебе лет? Даже если ты оступился, тебя должны были наставить на путь истинный.

Наказывать, не разъяснив ошибок, — разве это достойный учитель? Я отправил тебя учиться уму-разуму не для того, чтобы ты вырос трусливым ничтожеством. Небо и земля безучастны к людям. Чтобы выжить в этом мире, тебе придётся выжечь из сердца всю глупую мягкость и слепую доброту.

— Не надо, не горячись! — Цзинь Линьэр разжал пальцы и поспешно вытер лицо рукавом, который тут же потемнел от слёз. Плечи его мелко задрожали, он всхлипнул: — Пожалуйста... не делай из-за меня глупостей.

Вся ярость Сунь Цинфэна испарилась от единственной слезы этого упрямца. Он замер как вкопанный и хмуро посмотрел на мальчика сверху вниз.

Цзинь Линьэр, мгновенно добившись своего, перестал плакать. Шмыгнув носом, он тихо заговорил:

— Учитель повторял: «Любознательность приближает к мудрости, усердие в делах приближает к человеколюбию, а умение испытывать стыд приближает к мужеству». Я же хоть и не обделён умом, но ленив, добр лишь на словах, а главное — не ведал стыда и не стремился к лучшему. Ни мудрости во мне, ни доброты, ни отваги... Наказание моё заслужено, учитель во всём прав.

Эти слова он произнёс лишь затем, чтобы успокоить Сунь Цинфэна, но к концу речи сам поверил в собственную правоту. Прежде в его душе таилась глупая обида, заставившая его сбежать с уроков, но теперь, перед лицом назревающей трагедии, он до конца осознал свои проступки.

Цзинь Линьэр вздохнул и продолжил:

— В книгах пишут: «Желаешь, чтобы тебя не презирали — начни с исправления собственной души». Если я свалю вину на наставника, кем я стану в твоих глазах? Ты — благородный воин, великий герой. Не марай руки из-за пустяковой обиды, не опускайся до слепого потворства моим капризам.

Обычно Сунь Цинфэн видел в Цзинь Линьэре лишь беспечное дитя, вечно весёлое и несмышлёное, далёкое от коварства и сложностей взрослой жизни. Он и подумать не мог, что в этом хрупком мальчике кроется такая зрелость суждений и величие духа.

Сунь Цинфэн почувствовал, как к досаде примешивается невольная гордость. Однако положение оставалось неловким: меч обнажён, они стоят у школьного порога, и просто так отступить мешала гордость. Он замялся, не зная, как убрать оружие и сохранить лицо.

Цзинь Линьэр, прекрасно знавший упрямый нрав названного отца, бережно обхватил его ладонь, сжимающую рукоять клинка, и мягко произнёс:

— Побой эти я заслужил сам. Учитель лишь исполнял свой долг, злиться на него не за что. Обещаю, я возьмусь за ум. Пусть не всё будет даваться легко, но если я приложу силы, меня больше не за что будет наказывать.

Сунь Цинфэн долго молчал, не двигаясь с места. Он так и остался стоять у ворот, не решаясь переступить порог.

— Помнишь, когда ты объяснил мне, ради чего готов пожертвовать собой, я ведь не стал спорить? Позволил тебе поступить так, как велит долг. Хоть наши жизни и связаны воедино, мы оба — мужчины. С трудностями каждый из нас должен справляться сам, иначе мы просто растерем стойкость. — Цзинь Линьэр крепко обнял Сунь Цинфэна за пояс и уткнулся лицом ему в грудь, ластясь, словно преданный щенок. — Поверь мне.

Ворваться в класс и снести голову «жестокому» книжнику? Сунь Цинфэну это ничего не стоило. Но как бы он после этого смотрел в глаза мальчику?

Пришлось признать очевидное: Цзинь Линьэр был абсолютно прав. У каждого свой путь, и некоторые невзгоды нужно преодолевать в одиночку, иначе никогда не повзрослеешь.

Сунь Цинфэн медленно опустил оружие и, стараясь говорить как можно небрежнее, произнёс:

— В полдень заберу тебя. Пойдём есть пельмени с тремя начинками.

— Спасибо, папа! — радостно воскликнул Цзинь Линьэр и стрелой полетел во двор школы. Через мгновение он выбежал обратно, остановился у ворот и весело замахал рукой: — Папа, на улице холодно, возвращайся домой!

Сунь Цинфэн кивком показал, что понял, развернулся и пошёл прочь. Стоило ему скрыться за углом, как он замер, привалившись спиной к холодной стене.

Дождавшись, пока шаги мальчика утихнут за дверями класса, он бесшумно взмыл в воздух. Перепрыгивая с крыши на крышу, воин добрался до высокого терема, стоявшего прямо напротив школы, и затаился там, прислушиваясь к доносившемуся издали мерному гулу детских голосов.

В классной комнате жарко топилась печь, удушливый древесный дым клубился под потолком, отчего окна держали приоткрытыми.

Цзинь Линьэр сидел у самого окна, точнее — стоял: из-за утреннего опоздания его лишили права присесть до самого конца занятий. Приняв наказание с достоинством, он искренне повинулся перед наставником, после чего, словно ни в чём не бывало, уткнулся в раскрытый свиток, ловя каждое слово учителя.

Мальчик от природы был наделён острым умом, но из-за сиротского детства продвигался в учёбе урывками. Сначала покойная мать едва успела обучить его грамоте, затем, уже на горе Цинмин, Чжао Шо время от времени заставлял его разбирать древние трактаты. Последние же два года они с Сунь Цинфэном и вовсе провели в глуши Лошины Абрикосового цвета, скрываясь от мира. Неудивительно, что книги, которые его сверстники знали наизусть, он видел впервые.

Стоило ему приложить малейшие усилия, и он без труда нагнал бы остальных, но в том-то и крылась беда — усердием мальчик не отличался. Слишком долго он дышал волей лесов и полей; оказавшись в шумном, весёлом городке, он грезил лишь о шалостях с новыми друзьями.

Учитель, разглядев в Цзинь Линьэре живой ум и досадуя на его леность, изводил его строгостью пуще прочих учеников.

Взгляд Сунь Цинфэна сквозь густую пелену падающего снега замер на деревянном оконном переплёте. В этом крошечном четырехугольнике, словно в раме, застыл силуэт мальчика. Весь мир вокруг расплывался в морозной дымке, и лишь этот маленький кусочек чужой жизни оставался резким и ясным.

Он видел, как наставник подошёл к парте Цзинь Линьэра и кивнул ему. Мальчик без запинки отчеканил длинный отрывок из канона. Учитель, слушая его, неторопливо поглаживал редкую бородку и согласно кивал.

Затем старик принялся разбирать короткое изречение. Дождавшись, пока он закончит, Цзинь Линьэр задал несколько вопросов. Завязался недолгий спор, в котором мальчик, по-видимому, допустил оплошность.

Учитель потянулся за бамбуковой линейкой и велел ученику протянуть руку.

Цзинь Линьэр за последнее время заметно вытянулся. Его ладони уже не походили на пухлые детские ручки — пальцы стали тонкими и изящными, хотя кожа оставалась всё такой же белой и нежной, как в раннем детстве. Но сейчас на этой светлой коже алел свежий след от недавнего удара.

Учитель без тени жалости занёс тяжёлую линейку над открытой ладонью мальчика. На крыше противоположного дома Сунь Цинфэн мгновенно положил ладонь на рукоять меча.

Наставник словно почуял недоброе: он на миг замер, поколебался и опустил руку чуть ниже, ослабляя замах. Сунь Цинфэн слегка расслабил пальцы, сдвинув ладонь с эфеса.

Раздался сухой щелчок — линейка опустилась на ладонь мальчика. Сунь Цинфэн так сильно сжал ножны, что костяшки пальцев побелели, и лишь спустя долгое время заставил себя отпустить оружие.

«Когда я увёл его из Байхая, он был совсем крохой, — подумал он. — Кажется, это случилось вчера... Как же быстро пролетели эти годы? Ему уже четырнадцать».

Снежная буря укрывала землю плотным саваном, погружая мир в глубокий сон.

Сунь Цинфэну некуда было спешить. День за днём он неприкаянной тенью следовал за Цзинь Линьэр до самых ворот школы, а затем усаживался на заснеженную черепицу высокой крыши, обхватив руками верный меч. Часами он сидел неподвижно, глядя то на летящие хлопья снега, то на склонённую над свитками голову мальчика.

Цзинь Линьэр действительно устыдился своей лени. Теперь он учился не щадя сил, засиживаясь за свитками до глубокой ночи. Стоило ему в изнеможении уснуть прямо за столом, как неведомая заботливая сила бережно переносила его в тёплую постель.

В мягком янтарном свете масляной лампы Сунь Цинфэн лениво перелистывал оставленный мальчиком учебник.

Сонный Цзинь Линьэр заворочался, уткнулся носом ему в бок и тут же вздрогнул, проснувшись от холода, исходившего от одежды воина.

— Который час?.. На чём я остановился? — пробормотал он, протирая глаза.

— «Постижение ясности через искренность зовётся врождённой природой. Обретение искренности через ясность зовётся учением», — негромко отозвался Сунь Цинфэн.

Мальчик окончательно стряхнул остатки сна и оживился:

— А, это двадцать первая глава! Я уже дошёл до двадцать второй. Послушай, правильно ли я запомнил: «Только самый искренний человек в Поднебесной может полностью раскрыть свою природу. Сумев раскрыть свою природу, он сможет раскрыть природу других людей»?

— Верно, — кивнул Сунь Цинфэн.

— Первую фразу я понимаю, а вот со второй запутался, — признался Цзинь Линьэр. — Искренность — это чистота помыслов, а человеческая природа изначально стремится к добру. Но почему, если ты сам искренен и добр, это заставит и других стать такими же?

Сунь Цинфэн захлопнул книгу и задул свечу. Он слегка отодвинул мальчика, заботливо подоткнул ему одеяло со всех сторон и лишь после этого лёг сам.

— Всё просто, — тихо проговорил он в темноте. — Это как с нами: ты просил меня не убивать, и я опустил меч. А теперь спи. Учиться нужно с умом. Излишнее рвение лишь сушит разум, не превращайся в занудного книжного червя.

Цзинь Линьэр ужом переполз под его одеяло, натянув поверх ещё и своё собственное:

— Сунь-цянбэй, мы сегодня разбирали «Книгу песен». Там есть стихи, которые я обязательно должен тебе прочесть.

Сунь Цинфэн демонстративно повернулся на бок спиной к нему:

— Я уже сплю.

Мальчик крепко обнял его со спины и, не обращая внимания на напускное равнодушие, негромко зашептал:

— «Северный ветер несёт холода, мокрый снег валит без конца... Коль ты полюбишь меня всей душой, за руки взявшись, пойдём мы вдвоём»...

— Вечно ты ко мне прижимаешься, — проворчал Сунь Цинфэн. — Сам же замёрзнешь.

Цзинь Линьэр отыскал его ледяную ладонь, согревая своими пальцами, и тихо рассмеялся:

— Конечно, я боюсь холода. Но ещё больше я боюсь, что замёрзнешь ты.

Прошло всего несколько минут, и мерное дыхание мальчика возвестило о том, что он заснул.

Ему снова приснился тот далёкий день. Подножие горы Цинмин, самая граница Белого моря... Чжао Шо ведёт его за руку к одинокой хижине Сунь Цинфэна. Мальчик робко стучит в дверь, и тот выходит к нему из непроглядного мрака. Бережно прижимает к груди и уносит прочь сквозь бескрайние снега Байхая — навстречу новой весне, оставляя позади одну суровую зиму за другой.

«Северный ветер несёт холода,

Мокрый снег валит без конца...

Коль ты полюбишь меня всей душой,

За руки взявшись, пойдём мы вдвоём»...

<http://bllate.org/book/18425/1788343>